

ДЭВИД БОЛДАЧЧИ

ГИГАНТ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ ДРУГИЕ КНИГИ ДЭВИДА БОЛДАЧЧИ:

СЕРИЯ «УИЛЛ РОБИ»

Невинная

Знаки

Миссия в ад

СЕРИЯ «АМОС ДЕКЕР»

Абсолютная память

Последняя миля

Фикс

Падшие

Искупление

Черная земля

Длинные тени

СЕРИЯ «ЭТЛИ ПАЙН»

Где моя сестра?

Минута до полуночи

Нити тьмы

ОТДЕЛЬНЫЕ РОМАНЫ

Абсолютная власть

Победитель

Чистая правда

Рождественский экспресс

Синяя кровь

МИССИЯ

ВАД

ДЭВИД БОЛДАЧЧИ

**Москва
2024**

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б79

David Baldacci
THE TARGET

Copyright © 2014 Columbus Rose, Ltd.
This edition is published by arrangement with Aaron M. Priest
Literary Agency and The Van Lear Agency LLC

Болдаччи, Дэвид.

Б79 Миссия в ад / Дэвид Болдаччи ; [перевод с английского И. Д. Голыбиной]. — Москва : Эксмо, 2024. — 416 с. — (Дэвид Болдаччи. Гигант мирового детектива).

ISBN 978-5-04-192883-4

Уилл Роби и Джессика Рил — спецагенты, лучше которых у правительства просто нет. И хотя теперь они на плохом счету, такую небывалую секретную миссию можно поручить только им. С ней не справится больше никто, да и каждый из них по отдельности тоже. Роби и Рил даже не знают, что это за миссия, однако испытания, которые им пришлось пройти, чтобы доказать способность выполнить ее, беспрецедентны. Вскоре агентам придется столкнуться с врагом гораздо опытнее их самих — таинственной женщиной, с детства жестоко убивающей людей по приказу и готовой пойти на все ради своего верховного лидера...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-192883-4

© Голыбина И.Д., перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

*Тренеру Рону Акселю за то,
что был мне великолепным наставником
и другом*

ГЛАВА 1

Тут сидели четыреста человек — и большинству не суждено было выйти до конца жизни.

А дальше их ждал ад — на остаток вечности.

Толстые бетонные стены были изрисованы уродливыми граффити, в своей откровенности не оставлявшими простора для воображения. Грязь накапливалась на них слой за слоем, как осадок в сточном колодце. Стальные решетки погнулись и искривились, но взломать их руками было по-прежнему невозможно. Отсюда случались побеги, но ни одного за последние тридцать лет — потому что бежать было некуда. Люди снаружи были нисколько не дружелюбнее, чем те, что внутри.

И у них было больше оружия.

Старик в миллионный раз закашлялся и сплюнул кровь, свидетельствующую о близости смерти очевиднее любого медицинского заключения. Он знал, что умирает, вопрос был только когда. Тем не менее он еще держался. У него оставалось одно дело, и он понимал, что другого шанса не представится.

Эрл Фонтейн казался крупным, но когда-то был еще больше. Тело усыхало из-за рака, пожиравшего его изнутри. Лицо покрылось сетью глубоких морщин под воздействием времени, четырех пачек сигарет с ментолом в день, отвратительного питания, но в первую очередь — острого ощущения несправедливости. Кожа истончилась и обвисла от десятилетий за решеткой, без солнечного света.

Он с трудом сел на кровати и обвел глазами других обитателей отделения. Их было семеро — все в лучшем состоянии, чем он. У них еще был шанс выйти отсюда на своих ногах. У него — нет. Но, несмотря на свое состояние, он улыбался.

Заключенный с койки напротив заметил его довольную физиономию и крикнул Эрлу:

— И какого черта ты лыбишься, а? Давай расскажи нам тоже, всем интересно!

Эрл позволил улыбке распространиться по всему своему широкому лицу. Он сумел это сделать, хотя боль ползла у него по костям, как будто их пилили зубчатой пилой.

— Я выберусь отсюда, Мелкий, — ответил Эрл.

— Чушь собачья, — фыркнул другой заключенный, которого тут называли Мелким — без очевидных причин. Он изнасиловал и убил пять женщин в трех округах просто потому, что им не повезло встретиться ему на пути. Власти старались изо всех сил, чтобы подлечить его и предать официальной казни, назначенной через два месяца.

Эрл кивнул.

— Выберусь отсюда.

— Как?

— В гробу, Мелкий, как и ты, тупая задница.

Эрл зашелся смехом; Мелкий покачал головой и снова мрачно уставился на трубку своей капельницы. Трубка была такая же, как та, по которой ему введут смертельное лекарство, что положит конец его жизни в камере смерти штата Алабама. Наконец он отвел взгляд, прикрыл веки и стремительно провалился в сон, как будто тренировался перед окончательным забытием, предстоявшим ему ровно через шестьдесят дней.

Эрл откинулся на подушку и погромел цепью, пристегнутой к наручнику на его правом запястье. Цепь крепилась к ржавому, но от этого не менее прочному железному кольцу, торчавшему из стены.

— Я выберусь отсюда, — прохрипел он. — Пусть отправляют за мной своих сраных ищек!

Его одолел новый приступ кашля, продолжавшийся до тех пор, пока санитар не подал ему воды и таблетку и не хлопнул по спине. Он помог Эрлу сесть повыше.

Скорее всего, санитар не знал, почему Эрл оказался в тюрьме, а если и знал, ему было все равно. Все в их заведении строгого режима натворили что-нибудь страшное, так что впечатлить сотрудников было невозможно.

— Давай-ка успокойся, Эрл, — сказал санитар. — Ты делаешь себе только хуже.

Эрл притих, повозился спиной на подушке, потом посмотрел на санитаря:

— Куда хуже-то? Вроде как некуда.

Санитар пожал плечами.

— Всегда может стать хуже. И вообще, тебе надо было думать об этом до того, как ты сюда угодил.

Встрепенувшись, Эрл наклонился к нему:

— Слушай, парень, не подкинешь мне сигаретку? Просто сунь мне между пальцев и зажги. Я никому не скажу, что это ты дал. Клянусь всем святым... и что там еще полагается... хоть я и не очень богобоязненный.

Санитар побледнел от одной мысли о чем-то подобном:

— Знаешь, может, в семидесятом это еще бы и прокаатило. Но ты же подключен к кислороду, Эрл! Одна искра, и мы все взлетим на воздух. *Бум!*

Эрл ослабилися, демонстрируя желтые зубы, торчавшие через один.

— Пусть уж я лучше взорвусь, чем это дерьмо сожрет меня живьем.

— Да? Но мы-то еще хотим пожить. Это проблема большинства людей — все думают только о себе!

— Ну же, одну сигаретку, друг! Мне нравится «Винстон». Есть у тебя «Винстон»? Это мое предсмертное желание. Ты должен его исполнить. Вроде последнего ужина. Таков чертов закон! — Он погромел цепью. — Последнюю сигаретку. Ну, дай ее мне! — Он погромел цепью погромче. — Дай!

Санитар сказал:

— Ты умираешь от рака легких, Эрл. А откуда он у тебя, по-твоему, взялся? В этом-то все и дело. Их не зря называют *раковыми палочками*, на то есть чертовски веская причина. Иисус, Мария и Иосиф! С твоей глупостью тебе надо благодарить Господа, что ты протянул так долго.

— Дай мне сигарету, ты, тупой придурок!

Санитару явно надоело возиться с Эрлом.

— Слушай, у меня и без тебя хватает хлопот. Давай проведем этот день тихо, ладно, старик? Я совсем не хочу вызывать охранника. Сегодня смена Альберта, а он терпением не отличается. Проломит тебе череп дубинкой и не поглядит, что ты умираешь, а потом наврет с три короба в отчете, и никто не станет проверять. Он парень суровый, ты сам знаешь.

Прежде чем санитар отвернулся, Эрл спросил:

— Ты в курсе, почему я здесь?

Санитар хмыкнул:

— Давай-ка подумаем. Потому что ты умираешь, а штат Алабама не отпустит такого, как ты, в хоспис, даже если твое содержание здесь обходится ему в копейку.

— Нет, я не про госпиталь. Я про тюрьму, — изрек Эрл, и его голос стал хриплым. — Дай мне еще воды. Я же могу получить воду в этом проклятом месте, да ведь?

Санитар налил воду в стакан, и Эрл с жадностью выпил ее до дна. Потом утер рот и с новообретенной энергией выпалил:

— Я попал за решетку двадцать лет назад. Сначала на пожизненное, в федеральной тюрьме. Но тут меня притянули снова, подвели под смертную казнь. Все адвокаты, эти сукины дети. Штат взял меня за задницу. И федералы им позволили. Просто отдали меня — на раз! Есть у меня права? *Никаких*, черт побери, если они могут так делать. Понимаешь, о чем я толкую? Все только потому, что я ее убил. В федеральной тюрьме у меня было теплое местечко. А теперь погляди на меня! Спорить могу, я заработал рак из-за этой дыры. Точно тебе говорю. Он тут, в воздухе. Повезло еще, что СПИД не подхватил.

Он задрал брови и понизил голос:

— Ты *знаешь*, что он тут у каждого второго.

— Угу, — пробормотал санитар, проверявший файл другого пациента в своем ноутбуке. Тот стоял поверх тележки с запирающимися отделениями, где хранились лекарства.

Эрл выдохнул:

— Я торчу тут двадцать лет плюс еще почти два. Чертову уйму времени.

— Да, с математикой у тебя порядок, Эрл, — рассеянно ответил санитар.

— Первый Буш еще был президентом, но потом тот парень из Арканзаса победил его на выборах. Их как раз показывали по телику, когда я сюда попал. Значит, был девяносто второй. Как, кстати, его звали? Того парнишку. Говорили, он еще наполовину цветной.

— Билл Клинтон. И никакой он не цветной. Просто играл на саксофоне и иногда заглядывал в афроамериканские церкви.

— Точно. Он. С тех пор я тут и сижу.

— Мне было семь.

— Чего? — рыкнул Эрл, прищуриваясь, чтобы лучше видеть. Он привычным жестом погладил живот, пытаясь утишить боль.

Санитар ответил:

— Мне было семь, когда Клинтона избрали. Мать с отцом совсем растерялись — они были республиканцы, конечно, но он вроде тоже происходил с юга. Думается, они оба голосовали за него, но не хотели в этом признаваться. Да и ладно. Это же *Алабама*, в конце концов. Либерал тут победит, когда рак на горе свистнет. Ты со мной согласен?

— Милая Алабама, — Эрл кивнул головой. — Я тут долго прожил. Семья у меня была. Но сам я из Джорджии, сынок. Я — тамошний персик¹. Не мальчуган из Алабамы.

— Ясно.

¹ Персик — символ Джорджии, официальное прозвище которой — Персиковый штат.

— Но меня отправили в местную тюрьму за то, что я *по-наделал* в Алабаме.

— Понаделал, да. Хотя, опять же, какая разница. Джорджия, Алабама — два сапога пара. Другое дело, если бы тебя сослали в Нью-Йорк. Или в Массачусетс. Вот это правда как другая страна, черт их деря.

— За то, что я понаделал, — повторил Эрл шепотом, все еще потирая живот. — Терпеть не могу евреев, цветных и католиков. Пресвитерианцев¹ тоже не люблю.

Санитар покосился на него и с усмешкой переспросил:

— Пресвитерианцев? Они-то что тебе сделали, Эрл? Это ж все равно что ненавидеть амишей².

— Развизжались как свиньи на бойне, вот что они сделали, уж поверь мне. В основном, впрочем, евреи и цветные. — Он пожал плечами и вытер пот со лба углом простыни. — Но, если по-честному, я вроде ни одного пресвитерианца не убил. Как-то они мне не попадались, а то я бы не упустил возможность.

Улыбка расползлась по его лицу и достигла глаз. И по этой улыбке можно было с уверенностью сказать, что, несмотря на возраст и болезнь, Эрл Фонтейн оставался убийцей. *Все еще* оставался. И всегда останется — до самой смерти. Которая откладывалась слишком долго, по мнению законопослушных обывателей.

Санитар отпер одно из отделений тележки и достал какие-то лекарства.

— Ну и зачем тебе поступать так с ними, а? Они ж тебя не трогали, ни один, поклясться могу.

Эрл откашлялся и сплюнул мокроту в стакан. Пробормотал хмуро:

— Достаточно того, что они просто живут. Для меня это уже причина.

¹ Пресвитерианство — протестантская конфессия, основанная на британском умеренном варианте кальвинизма.

² Амиши (амманитство) — распространенная в основном в Северной Америке протестантская конфессия, ведущая происхождение от европейского меннонитства, члены которой исповедуют пацифизм и ненасилие и ведут скромный и архаический образ жизни.

— Думается, именно поэтому ты тут и очутился. Но тебе пора бы примириться с Господом нашим, Эрл. Они же все дети Божьи. Тебе надо встать на истинный путь. Ты скоро с ним увидишься.

Эрл расхохотался во всю силу оставшихся легких. Потом успокоился, и лицо его разгладилось.

— Ко мне люди придут.

— Очень хорошо, Эрл, — сказал санитар, делая укол обезболивающего заключенному на соседней кровати. — Семья?

— Нет. Свою семью я убил.

— И почему? Они были евреи, или пресвитерианцы, или цветные?

— Люди придут меня повидать, — ответил Эрл. — Со мной еще не кончено, понял?

— Угу. — Санитар проверил карточку другого пациента. — Постарайся правильно распорядиться временем, которое тебе осталось, старик. Часики-то тикают — для всех нас.

— Сегодня придут, — повторил Эрл. — Я тут на стене отметил, погляди.

Он указал на бетонную стену, с которой ногтем сколупывал краску.

— Сказали, шесть дней, и придут повидаться со мной. Вот тут шесть отметин. С математикой у меня порядок. Башка еще варит о-го-го.

— Ну, тогда передай им от меня привет, — сказал санитар, укатывая с собой тележку.

Эрл лежал неподвижно и смотрел на дверь палаты, когда на пороге возникли двое. Оба в черных костюмах и белых рубашках, в начищенных черных ботинках. Один был в очках в черной оправе. Второй выглядел так, будто только выпустился из старшей школы. У обоих в руках Библии, лица ласковые, с заботливым выражением. Респектабельные, смиренные, законопослушные граждане. На самом деле — ничего подобного.

Эрл встретился с ними глазами.

— Пришли повидаться со мной, — пробормотал он, внезапно становясь собой прежним. Когда-то у него была в жизни цель. Пускай ему оставалось недолго, она появилась у Эрла опять.

«Свою семью я убил», сказал он, но это было не совсем точно. Он убил жену и закопал ее тело в подвале под домом. Его нашли много лет спустя. Вот почему он оказался тут и был приговорен к смерти. Следовало найти место получше, чтобы спрятать труп, но ему было не до того. Он занимался делом — убивал других.

Федеральное правительство отдало Эрла штату Алабама, который судил его и приговорил к смертной казни за ее убийство. У него уже был запланирован визит в камеру смерти в тюрьме Холман в Этморе; с 2002 года в штате Алабама казнили смертельной инъекцией. Но с некоторых пор сторонники смертной казни настаивали на возвращении «Старого искрилы», стула, осуществлявшего последнее правосудие с помощью электрического тока.

Все это Эрла не беспокоило. Его процесс затянулся настолько, что смерть на электрическом стуле ему не грозила. Причиной был рак. Ирония заключалась в том, что по закону заключенному следовало пребывать в добром здравии, чтобы подвергнуться казни. Так Эрл избежал быстрой и безболезненной смерти, которую природа заменила на куда более долгую и мучительную, от рака легких, запустившего свои щупальца ему в нутро. Кому-то это могло показаться справедливым; Эрл же считал, что ему чертовски не повезло.

Он помахал двоим в костюмах рукой.

Да, он убил свою жену. И еще много кого, хотя точное число уже не помнил. Евреев, цветных, может, и несколько католиков. А то и какого-нибудь пресвитерианца. Кто их разберет! У них же не было удостоверений с указанием, какой веры они придерживаются. Любой, кто вставал у него на пути, должен был умереть. А он позволял встать на своем пути как можно большему количеству людей.

Теперь он был прикован к стене и умирал. Но у него еще оставалось одно дело.

Точнее, один человек, которого следовало убить.

Мужчины казались предельно напряженными. Как будто груз всего мира лежал на их плечах.

В действительности так оно и было.

Президент США сидел в конце небольшого стола. Они находились в Оперативном штабе в подвале западного крыла Белого дома. Подземный комплекс, который иногда называли «погребом», был построен при президенте Кеннеди, после фиаско в Заливе Свиней¹. Кеннеди решил тогда, что не может доверять военным, и потребовал, чтобы его собственная разведывательная служба проверяла все доклады, поступающие из Пентагона. Пришлось пожертвовать боулингом Трумена — комплекс был построен на его месте, а в 2006 году полностью переоборудован.

При Кеннеди в Оперативном штабе дежурил всего один аналитик из ЦРУ, который заступал на двадцатичасовую непрерывную смену и спал прямо там. Позднее в комплексе разместились Департамент внутренней безопасности и кабинет главы аппарата Белого дома. Заправлял там, конечно, персонал из департамента. Пять «вахт» состояли из тридцати — или около того — досконально проверенных сотрудников, находившихся на месте 24/7. Их основной задачей было информировать президента и его приближенных по первоочередным вопросам и обеспечивать мгновенную и защищенную связь с любой точкой мира. У штаба имелся даже защищенный канал с бортом № 1, когда президент путешествовал.

Сам Оперативный штаб был огромным — там хватало места для тридцати и более сотрудников и гигантских мониторов на стенах. До ремонта все деревянные поверхности в нем были выполнены из красного дерева, но потом их заменили на экранирующие материалы — для предотвращения цифровой слежки.

¹ Имеется в виду неудачная попытка свержения режима Ф. Кастро, предпринятая в апреле 1961 г.